

История публицистики. Риторика

УДК 808.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-97-133

Очерк В.С. Гроссмана «Добро вам!»: эволюция публицистической составляющей

Юрий Г. Бит-Юнан

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, bityunan@gmail.com

Аннотация. В статье изучается эдичионная история очерка В.С. Гроссмана «Добро вам!». Основываясь на результатах текстологического сопоставления различных редакций – от менее репрезентативных (1965 и 1967 гг.) до наиболее репрезентативного (1988) – автор работы приходит к выводу, что публицистическая основа очерка оставалась неизменной – варьировалась лишь интенсивность публицистических суждений.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, публицистика, советская литература, советская пресса, «Добро вам!»

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Очерк В.С. Гроссмана «Добро вам!»: эволюция публицистической составляющей // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 97–133. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-97-133

V.S. Grossman's essay "Good wishes to you!". Evolution of the publicistic component

Yury G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, bityunan@gmail.com

Abstract. The article focuses on the edition evolution of V. Grossman's "Good wishes to you!". Based on the textological juxtaposition of the different editions – from the less complete ones of 1965 and 1967 to the most

© Бит-Юнан Ю.Г., 2022

complete of 1988 – the researcher concludes that the publicistic basis of the essay remained unchanged – only the intensity of the publicistic judgments varied.

Keywords: V. Grossman, journalism, political essays, Soviet literature, Soviet press, “Good wishes to you!”

For citation: Bit-Yunan, Y.G. (2022), “V.S. Grossman’s essay ‘Good wishes to you!’: Evolution of the publicistic component”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 97–133, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-97-133

Очерк В.С. Гроссмана «Добро вам!» (1961–1963 гг.) можно условно отнести к триаде наиболее известных поздних произведений автора – наряду с романом «Жизнь и судьба» и повестью «Все течет...». Однако известность, обусловленная соседством с двумя резонансными, оценивающимися как антисоветские, произведениями, не обеспечила этому очерку сопоставимой с ними изученности. Если о «Жизни и судьбе» и «Все течет...» написаны десятки работ на разных языках, то о «Добро вам!» – единицы.

Впервые очерк был напечатан журналом «Литературная Армения» в 1965 г. и не рецензировался. Второе издание очерка вышло в Москве в 1967 г. в составе сборника рассказов и повестей «Добро вам!». Тогда же появились и первые упоминания об очерке¹. Рецензенты пояснили, что материалом для этого сочинения послужили воспоминания Гроссмана о командировке в Армению в 1961–1962 гг. и что целью этой поездки была литературная обработка русскоязычного перевода романа Р.К. Кочара «Дети большого дома». Они отметили изящество стиля и доброе чувство юмора, которым был наделен пожилой автор. По сути, все три отзыва представляли собой нечто вроде запоздалого некролога.

Гораздо более подробно о языке, композиции и идеологии «Добро вам!» писал А.Г. Бочаров, первый биограф Гроссмана. Именно его монография 1970 г. представляет полный – насколько это было возможно в тех цензурных условиях – очерк жизни и творчества Гроссмана [Бочаров 1970, с. 289–303].

Затем почти на 20 лет воцарилось молчание.

¹ См.: Миль Л. Человек среди людей // Знамя. 1968. № 2. С. 244–246; Гитович И.Е. «А человек пусть длится вечно» // Литературная Россия. 1968. 8 марта; Росляков В.П. Воздух истории: О сборнике рассказов Василия Гроссмана «Добро вам!» // Литературная газета. 1968. 20 марта.

В 1988 г. журнал «Знамя» напечатал полную редакцию «Добро вам!»². Казалось бы, тогда, в условиях «перестройки» и растущего интереса к так называемой «задержанной» литературе, эта публикация должна была привлечь внимание. Но получилось ровно наоборот: восстановленный очерк словно оказался в тени других произведений – и не только гроссмановских. По сути, ему целиком посвящена только статья Л.В. Бахнова, правда, с весьма престижной аллюзией в заглавии – «Сентиментальное путешествие»³. Упоминания о полной редакции «Добро вам!» содержались также в предисловии Л.И. Лазарева к сборнику рассказов и повестей 1989 г. «Несколько печальных дней»⁴.

В 1990 г. была издана расширенная редакция монографии Бочарова – «Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба». Здесь истории создания и публикации очерка было уделено существенное внимание, однако сопоставление редакций 1965, 1967 и 1988 гг. было неполным и описательным [Бочаров 1990, с. 354–367].

Уже в 2007 г. вопроса цензурирования и восстановления очерка вновь коснулся Л.И. Лазарев на международной конференции в Турине [Lazarev 2007]. Через два года этот же вопрос освещался А. Феррари на очередной международной конференции в Турине [Ferrari 2011]. Однако и на этот раз о текстологических расхождениях между редакциями различных лет и их публицистической основе говорилось абстрактно.

Цель данной статьи – описать и проанализировать эдиционную историю «Добро вам!» и реализацию публицистических идей автора в различных редакциях очерка.

* * *

Жалобы на здоровье, которые Гроссман даже перенес в «Добро вам!», оказались началом его последнего испытания. Вскоре по возвращении из Армении в Москву у него был диагностирован рак. Тем не менее работу он не оставил. В 1963 г. завершил работу над очерком и отдал его в «Новый мир», где тот и осел, поскольку руководитель журнала – А.Т. Твардовский – настаивал на том, чтобы Гроссман снял последний абзац, в котором говорилось о холокосте. Но Гроссман отказался наотрез [Бит-Юнан, Фельдман 2019, с. 515–521].

² См.: *Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 5–62.*

³ См.: *Бахнов Л.В. Несентиментальные путешествия // Дружба народов. 1989. № 8. С. 257–262.*

⁴ См.: *Лазарев Л.И. Человек среди людей // Гроссман В.С. Несколько печальных дней: Повести и рассказы. М.: Современник, 1989. С. 3–12.*

Его подруга, редактор «Нового мира» А.С. Берзер, решила ему помочь: «И появился у меня план, сначала я не очень верила в него и Василия Семеновича не посвящала. Был, вероятно, август 1963 года. Из соседней с нами “Недели” (еженедельного приложения к «Известиям») спрашивали часто – нет ли чего-нибудь, чтобы выбрать для них отрывок. Спрашивали часто, печатали редко. И я никогда не занималась этим. А тут снова появился сотрудник – очень осведомленный, а главный редактор (Аджубей) – осведомленный еще больше»⁵.

И вот когда этот сотрудник вновь обратился к Берзер, та предложила ему гроссмановские путевые очерки, которые тогда у них «безнадежно лежали» в редакции. «Сотрудник был в курсе дел», – продолжает Берзер, очевидно, намекая, что сотрудник знал о проблеме с «Жизнью и судьбой»: «Но при этом ходил, выяснял, проверял. Потом появился снова, заявив, что печатать они обязательно будут, чтобы я выбрала для них отрывок. Я выбрала и послала Гроссману. Он сам дал название “Севан”. И получилось просто отлично».

Какое-то время дела, видимо, шли хорошо. Берзер даже успела полюбоваться на сверстанную полосу «Недели». Надеюсь, что после появления «Севана» ей удастся добиться публикации всего очерка в «Новом мире». Затем Гроссману было рекомендовано поехать на лечение в Подмоскowie, что он и сделал. Оттуда позвонил Берзер, они условились, что созвонятся, когда появится «Неделя» с заветным фрагментом. Тогда же Берзер попросила секретаря редакции и того знакомого сотрудника позвонить ей и сказать, вышла ли публикация. Секретарь позвонил и доложил, что все в порядке и несколько номеров уже отправлено в «Новый мир». А вот неназванный помощник позвонил Берзер намного позже и, обескураженный, сказал, что там, где должен быть «Севан», помещен какой-то другой материал.

«Что же случилось? Расскажу только то, что узнала сама. “Неделя” № 39 за 22–28 сентября 1963 года была набрана и сверстана вместе с “Севаном” Гроссмана. Номер был подписан в печать и залитован. Началось печатание тиража, первые экземпляры которого попали в “Новый мир”. И вдруг утром, во время этого печатания, появился заместитель главного редактора Ошеверов. Он остановил печатание и из готового тиража (что делали в сталинские времена, когда в ночь выхода номера был арестован автор – я сама пережила несколько таких ночных историй!) вырвал Гроссмана и вставил на это место другой материал», – поясняет Берзер.

⁵Берзер А.С. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 260–262.

Она была в смятении, не понимала, как объяснить Гроссману, что все сорвалось в последнюю минуту. Но, вопреки ее опасениям, он вовсе не был убит горем. Даже сказал: «Ведь напечатали! И я доволен».

Позднее выяснилось, что некоторые его знакомые по случайной покупке именно первый вариант «Недели» и прочитали очерк. Остались очень довольны, хвалили и благодарили.

Более подробно об этом происшествии рассказал в 2006 г. тот не названный в мемуарах Берзер сотрудник «Известий». Им оказалась Н.Г. Лордкипанидзе (1925–2014), работавшая в газете с 1960 по 1980 г. и впоследствии получившая известность в качестве театрального сценариста и режиссера⁶.

Она подтвердила, что началось все с поиска хорошего рассказа для «Недели». «Набранные были, даже два, но нас не больно восхищали. “Неделя”, молодое воскресное приложение к “Известиям”, из месяца в месяц набирала читателей, и мы, отдел литературы и искусства (редактором которого я в ту пору была), не без самоуверенности думали, что хорошая проза может сыграть в этом деле не последнюю роль»⁷.

Далее Лордкипанидзе позвонила Берзер, и та ей сказала, что очерк уже набран, «но пока лежит из-за последнего абзаца, где герой произносит тост, сравнивая судьбу армянского народа, пережившего в 1915 году чудовищный геноцид (турки убили до полутора миллионов армян), с судьбой евреев, которых во время Великой Отечественной войны погибло в лагерях смерти чуть ли не 6 миллионов».

Лордкипанидзе решила проверить эту информацию («Но при этом ходил, выяснял, проверял», как писала Берзер) и позвонила редактору «Нового мира» – А.И. Кондратовичу. Тот подтвердил, что очерк не печатают, потому что Гроссман отказывается снять абзац, где упомянута еврейская проблема.

«Известия» запросили верстку, ознакомились с ней, и один из редакторов, А.Л. Плющ, одобрил текст. Так было принято решение опубликовать фрагмент о посещении озера Севан. Номер был вскоре отпечатан, а потом, в субботний день, Лордкипанидзе была вызвана к заместителю А.И. Аджубея. Фамилию заместителя она не называет,

⁶О Н.Г. Лордкипанидзе см. подробнее: [Б. а.] Натэлла Георгиевна Лордкипанидзе: Биография // Официальный сайт «Кино-театр.ру». URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/364618/bio/> (дата обращения 10.09.2022).

⁷Лордкипанидзе Н.Г. Василий Гроссман: «Барев цзе» – добро вам! // Известия. 2006. 18 окт.

однако нетрудно догадаться, что речь идет как раз о Г.М. Ошеверове. «Что рассердило, а вернее, напугало зама до такой степени, что он немедленно отдал ряд строжайших приказов? Последний абзац, тост?» – интригует Лордкипанидзе – и тут же дает ответ: «Напугало, что Гроссман рассказал о “Скальном городе”, расположенном недалеко от озера, и о том, что в городе этом живут люди».

Мемуарист, конечно, попытался оправдаться, ссылаясь на то, что «Город существовал не один десяток лет, было в нем вполне комфортно, автор писал о телевизионных антеннах, о красоте, об уюте этих непривычных для россиян жилищ». Однако зам. главного редактора остался непреклонен: «Живут в пещерах!!! Вот что возмутило зама и показалось ему кошунственным в период построения коммунизма в нашей стране».

Гнев Ошеверова, очевидно, был вызван этим описанием:

Вся Армения залита светом: затерянные в горах деревушки, зангезурские древние пещеры, где поныне живут люди, освещены электричеством. В этих пещерах люди жили за много тысячелетий до нашей эры, до появления **шумеров**, вероятно во времена каменного и бронзового оружия.

Большинство нынешних обитателей этих пещер работает в цехах завода тончайшего приборостроения. В пещерах, освещенных электричеством, стоят телевизоры и радиоприемники. Электричество всюду – **оно в** движении моторов, электропоездов, оно в музыке, в кадрах кинодрамы, в плавном вращении телескопов на Арагаце. Севан сжигает свое голубое тело, превращает его в свет и тепло. Уровень воды в озере упал на четырнадцать метров, унылая, черно-коричневая низменность выступила там, где стояла озерная вода. Озеро уходит из каменной чаши. Армения, залитая светом электричества, горюет о гибнущем Севане. Недавно родился проект ввести в Севан горную реку, которая предотвратит гибель озера. Но пока синяя жемчужина день ото дня уменьшается в размерах, тает...⁸

Не сказать, чтобы здесь речь шла о красотах пещер и т. п. Однако и политической критики этот фрагмент, как кажется, не подразумевает. Впрочем, это не всегда было обязательно, чтобы усложнить жизнь автора и его публикаторов. Вероятно, Ошеверов решил подстраховаться. Кроме того, вряд ли он не знал, что в 1961 г. рукописи «Жизни и судьбы» были конфискованы. И, хотя официальной опалы для Гроссмана не было, опубликовать давно

⁸Гроссман В.С. Добро вам! // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. М.: Советский писатель, 1967. С. 222.

осевшую в «Новом мире» рукопись казалось делом небезопасным. Более того, Ошеверов распорядился, чтобы Гроссману не выдавали гонорар – видимо, на случай разбирательства. Однако Аджубей, вернувшись из отпуска, публикацию оплатил⁹.

Дальнейшая судьба рукописи описана уже другим мемуаристом – Н.А. Гончар-Ханджян. В 1965 г. она была в Москве и встретила с переводчицей Р.Я. Райт-Ковалевой, сотрудничавшей с редакцией «Литературной Армении». Именно Райт-Ковалева рассказала Гончар-Ханджян о неопубликованном очерке Гроссмана. Та сообщила об этом главному редактору «Литературной Армении» Г.М. Боряну – и тот письменно обратился к Твардовскому с просьбой уступить материал. Твардовский согласился. Очерк «Добро вам!» был напечатан в 6-м и 7-м номерах «Литературной Армении» за 1965 г.¹⁰

В 1967 г., как было отмечено выше, очерк вышел и в Москве. Он был менее полным, чем ереванское издание. Однако анализ публицистической компоненты уместно начать именно с него – как с более известного и рецензируемого.

* * *

Очерк Гроссмана – о людях. Точнее, о человеке. Именно простой человек с его слабостями и сильными сторонами характера, красотой и несовершенством находится в идейном центре многостраничного произведения. Способность оставаться человеком, невзирая на обстоятельства, и проявить человеческое отношение не только к другу, но и к врагу – это, пожалуй, философская основа очерка.

Природная стихия, противопоставленная человеку, – это камень. И камень представлен в очерке как функция времени. Горы, пишет Гроссман, на протяжении тысячелетий умирают, дробятся и распадаются. Остаются лишь камни. Камень – это также символ безжизненности. Серый камень контрастирует с зеленью деревьев и с цветами.

Очерк начинается с описания каменных долин Армении: «Первые впечатления от Армении – утром, в поезде. Камень зеленовато-серый, он не горой стоит, не утесом, он – плоская россыпь, каменное поле; гора умерла, ее скелет рассыпался по полю. Время состарило, умертвило гору, и вот лежат кости горы»¹¹.

⁹ См.: *Лордкипанидзе Н.Г.* Василий Гроссман: «Барев цзе» – добро вам!

¹⁰ См.: *Гроссман В.С.* Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 32–53; № 7. С. 27–51.

¹¹ *Гроссман В.С.* Добро вам! // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. С. 200.

И камню здесь подобно все: животные («Иногда серый камень оживает, движется – это овцы. И их породили камни и едят они, наверное, каменную крошку и пьют каменную пыль <...>»¹²) и даже люди («<...> люди – как эти камни, среди которых они живут, лица темные от смуглости кожи и от небритости»¹³).

И все же эти крестьяне и ремесленники смогли подчинить себе горы. Они сделали их своим домом.

«Маленький народ стал казаться мне народом-великаном», – признается Гроссман. И поясняет: «Лишь великану под силу превращать камень в сладчайший виноград, в сочные холмы овощей. <...> Титанический труд породил эти персиковые сады среди жаркого камня, исторг виноградный сок из базальта»¹⁴.

Более того, человек сделал камень своим храмом:

В Армении много древних церквей, часовен, монастырей. В Армении имеется храм Гехард, он вырублен внутри скалы – чудо, рожденное внутри камня. Это чудо совершено тридцатилетним трудом человека, обладавшего не только титаническим талантом, но и титанической верой. Человек, вырубивший внутри горы гармоничный, грандиозный, грациозный храм, высек на грабаре слова: «Помяните меня в молитве своей»¹⁵.

По сути, каждый фрагмент очерка посвящен именно и только жизни людей и служит напоминанием о ценности жизни простых людей. Это отражается и на уровне языка.

Так, в основе описания – человеческая жизнь:

Внутренний двор! Вот душа, нутро Еревана... <...> Десятки, сотни веревок, подобно артериям и нервным волокнам, связывают балкончики и галерейки. На веревках сохнет огромное, многоцветное белье ереванцев – вот они, простыни, на которых спят чернобровые мужья и бабы, вот они, просторные, как паруса, лифчики матерей-героинь, рубашонки ереванских девчонок, кальсоны армянских старцев, штаны младенцев, пеленочки, парадные кружевные покрывала¹⁶.

¹² Там же. С. 200–201.

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Там же. С. 245–246.

¹⁶ Там же. С. 206–207.

Повествование и рассуждение также основываются на образах повседневной жизни армян. Как во фрагменте, приведенном ниже:

Я шел по улице и видел, как шевелились занавески на окнах, – новый российский приезжий появился в Цахкадзоре.

Потом меня изучали, разрабатывали – все, что узнавали служащие в писательском доме творчества, становилось известно всем: я сдал паспорт на прописку, я отказался есть хаш, не говорю по-армянски, я из Москвы, женат, двое детей. Я переводчик, приехал переводить книгу писателя Мартиросяна. Переводчик не молод, но переводчик пьет коньяк, прескверно играет на бильярде, переводчик часто пишет письма. Он гуляет и интересуется старой церковью на окраине поселка, по-русски окликает армянских собак и кошек. Он зашел в деревенский дом, где старуха пекла лаваш в тондыре, – переводчик не знал по-армянски, старуха не знала ни слова по-русски. Он смеялся, показал, что интересуется тем, как пекут лаваш. Старуха тоже смеялась, когда от кизячного дыма приезжий заплакал¹⁷.

Примечательно, что Гроссман, не знавший армянского языка, постепенно меняет точку зрения и начинает описывать не чужую страну своими глазами, а себя – глазами людей иной культуры. Но постепенно «приезжий», «писатель» и «переводчик», как сам Гроссман себя называет, становился своим. Он познакомился сначала с русскими – поварихой Катей и истопником Иваном, а затем и с теми армянами, с которыми ему как-то или через кого-то удавалось обмениваться несколькими фразами. И вот:

Прошло еще несколько дней, и меня пригласили в деревенский дом в гости, пить водку. А еще через день я зашел в библиотеку, и уса-тая плечистая библиотекарша мне показала мою книгу, переведенную на армянский язык; я увидел, что страницы книги припухли и края переплета растрепаны. Что же еще мне нужно? На улице мне улыбаются: «Барев... баревдзес..» <...> Значит, совершилось: я здесь человек среди людей¹⁸.

Еще в 1930-х гг. Гроссмана ругали за попытку возродить в советской литературе образ «маленького человека»¹⁹. Однако здесь бы, вероятно, выражение «маленький человек» пришлось перефразировать как «простой человек».

¹⁷ Там же. С. 213–214.

¹⁸ Там же. С. 220–221.

¹⁹ См.: *Дельман В.* Декадники «Знамени»: Творческий вечер В. Гроссмана // Литературная газета. 1936. 24 мая.

Многие из рассказанных Гроссманом историй трагичны. Он вообще был явно далек от намерения лакировать увиденное – очерк получился довольно «неудобным» с цензурной точки зрения. Вероятно, поэтому «Советский писатель» снял два достаточно больших фрагмента, которые, кстати, были напечатаны «Литературной Арменией». В остальном редакции практически идентичны.

Первый фрагмент – о старике Андреасе. Она изложена во второй главе (отсутствующей в издании 1967 г.). В начале этой главы дается описание памятника Сталину:

Над Ереваном, на горе, стоит памятник Сталину. Откуда ни помотришь, виден гигантский бронзовый маршал. Сталин одет в длинную бронзовую шинель, на голове его военная фуражка, бронзовая рука его заложена за борт шинели. Он шагает – шаг его медлителен, тяжел, плавлен – он не спешит. В нем странное, томящее соединение – он выражение силы, которой может обладать лишь бог, так огромна она; и он выражение земной грубой власти – солдатской, чиновной²⁰.

Комплиментарное описание дополняется яркой деталью: «Когда шла сборка памятника и части огромного бронзового тела лежали на земле, рабочие проходили, не сгибая головы, внутри полой ноги Сталина».

Многие жители Еревана при этом относились к памятнику или, точнее, созданному им образу с меньшим пиететом. Некоторые даже хотели демонтажа изваяния, однако об этом «говорили изящно: “Пусть металл, пошедший на создание этого памятника, обретет свою первоначальную сущность”».

Затем Гроссман переходит к истории Андреаса, семидесятипятилетнего ветерана партизанского отряда Андраника-паши. Рассудок Андреаса помутился, когда у него на глазах турки убили его родных.

Услышав имя Андраника-паши в случайном разговоре, Андреас начинал плакать. И сам иногда пел о нем песни – и тоже плакал. При этом со своей женой он был по-мужички жесток. Бил ее и неволил, несмотря на то, что она была ему дорога:

Он бил ее при жизни, а когда старуха умерла, Андреас не давал ее похоронить – обнимал ее, целовал, все пробовал посадить свою мертвую подругу за стол. Никто не смел подойти к старому безумцу, не верившему в смерть своей жены.

²⁰ Гроссман В.С. Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 33–34.

Однажды Гроссман увидел Андреаса в гневе. Тот страшно ругался, перемежая армянскую брань с русской матерщиной. Оказалось, что ночью с цахкадзорской площади был снят гипсовый памятник Сталину, оклеенный золотой фольгой. А для Андреаса имя Сталина было свято: «Для него Сталин был победителем немцев. А немцы были союзниками турок. Против турок воевал Андраник-паша, русский генерал».

О подобных трагичных судьбах и полярных характерах – и второй фрагмент, отсутствующий в издании 1967 г. и включенный в публикацию в «Литературной Армении».

«Рассказал мне седой красавец Армо историю своей жизни, горести и тяжести свои», – начинает Гроссман. Судьба Армо действительно была к нему немилосердна. Он беззаветно любил своего отца. Но «Его отец был одним из самых богатых помещиков Армении, а Армо стал одним из самых пламенных комсомольцев Армении». Курды, уважавшие отца Армо, подарили тому полтысячи баранов. Сам же Армо в это время создавал армянский комсомол, «всем своим молодым бешеным сердцем ненавидя помещиков и капиталистов, врагов трудящегося народа, всем своим сыновним сердцем любя отца, гордясь его былой знатностью, гордясь тем великим почетом, которым пользовался отец среди стариков по ту и другую сторону Аракса»²¹. Подробностей этой истории Гроссман не сообщает – мы лишь узнаем, что отец Армо погиб где-то в Сибири, и никто не знает места его погребения. Комментарии и пояснения здесь были бы избыточны.

Ниже приводится история старика Саркисяна. Он вступил в партию, верно служил ей, лично был знаком с Лениным, но «затем объявили его турецким шпионом, били смертно, послали в сибирский лагерь, где он прожил девятнадцать лет». Туда же отправилась и его жена, добровольно: «Он рассказал, как его жена приехала к нему из Армении за Полярный круг и поселилась у лагерной проволоки в нищей, грязной избе, сколько счастья пережил он от ее доброты, как он гордился ею, как хорошо относились к ней заключенные». Рассказал Саркисян тут же и о заключенных, которых в одной только небольшой тюремной камере было не менее 80. И «все это были ученые люди: профессора, старые революционеры, скульпторы, архитекторы, артисты, знаменитые врачи, и как мучительно долго, каждый раз сбиваясь со счета, пересчитывали их охранники».

Однако старик Саркисян убедился за это время, что люди отнюдь не злые. Наоборот – добрые и сострадательные.

²¹ Там же. С. 45–47.

Этот рассказ продолжает история о двух больших молоканских семьях, решившихся бежать из мусульманской Турции в христианскую Армению. Риск был огромным. Турецкие пограничники могли бы убить их. Однако все завершилось благополучно. И даже «малые дети в темноте, над шумной холодной водой молчали, ни один не заплакал». Перейдя Аракс, «люди стали на колени, плача, целовали землю, холодные прибрежные камни». Армянские же пограничники, поняв, что произошло, расчувствовались, а их жены в это время уже бежали к берегу с теплыми вещами. «Видимо, что-то пронзительно трогательное было в этом ночном возвращении, в этой встрече вернувшихся из Турции русских бородатых мужиков с молодыми русскими солдатами, в этих плачущих офицерских женах, обнимавших старух и детей на берегу шумного Аракса. Рассказывая эту историю, Иван вдруг заплакал, а слушая Ивана, заплакал и я».

Гроссман настаивает, что, пусть судьбы и характеры людей различны, идеалы человечности неизменны. Однако для многих это не аксиома. Одна из причин – распространенность стереотипического мышления. Так, рассуждения о внешности людей и о том, сколь она бывает обманчива, часто встречаются в этом очерке:

Удивительное оказалось дело. Среди армян немало светловолосых, сероглазых, голубоглазых. <...> Встречал я скуластых, с приплюснутыми носами, с несколько раскосым разрезом глаз, встречал курносых, видел армян с вытянутыми, острыми лицами, с невероятными по размеру носами, острыми, крючковатыми. <...> Но, конечно, в этом огромном разнообразии существует главный, основной национальный тип.

И трудно сказать, что достойно большего удивления – разнообразие или упорная устойчивость²².

Во внешности представителей того или иного этноса концентрируется история его существования. И не похожи друг на друга не только армяне:

Ведь то же можно сказать не только об армянах, но и о русских, и особенно о евреях. Конечно, так. Разве однообразны русские лица, разве рядом с голубоглазыми и сероглазыми, курносыми, с льняными волосами не живут горбоносые русаки, «цыгане», как зовут их, с черными южными глазами, со смоляными кудрями <...>²³.

²² Гроссман В.С. Добро вам! // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. С. 202.

²³ Там же. С. 202–203.

Цель подобного описания вполне понятна – и она, опять же, служит вербализацией публицистической мысли. Говоря о многоликости народа, Гроссман говорит и о неприемлемости дискриминации по национальному или расовому признаку. Точнее – о неприемлемости любой формы дискриминации.

Подтверждается это и на уровне культуры. Порой – высокой, а порой – обыденной. Между теми, кто заслуживает называться человеком, на самом деле не может быть границ. И примеров тому – множество.

Поводом к этому размышлению послужило любопытство Гроссмана. Он как-то спросил у Кочара (которого он то ли иронически, то ли с целью соблюдения конфиденциальности называет «Мартирисяном»), помнит ли тот Мандельштама. Кочар впал в задумчивость: «Мартирисян мне сказал, что смутно вспоминает худого носатого человека, видимо весьма бедного, дважды Мартирисян его угощал ужином и вином; выпивши, носатый читал какие-то стихи, – по всем видимостям, это был Мандельштам»²⁴, – усмехается Гроссман. И плавно переходит к главной теме этого фрагмента. Вспоминает, что видел в музеях Еревана портреты разжалованных в рядовые декабристов, что впервые комедия «Горе от ума» была поставлена в Ереване (тогда – в городе «Эривань») и что сами разжалованные играли все роли – и мужские, и женские.

Из какого источника Гроссман почерпнул эти сведения, сказать трудно. Но версия, что пьеса впервые была поставлена в Эривани в конце 1820-х гг., действительно существует. Так, в подготовленном в 1946 г. Академией Наук СССР сборнике статей о А.С. Грибоедове содержалась статья В. Филиппова «Ранние постановки “Горя от ума”». Там отмечено, что «Имеются сведения о том, что комедия “была играна в 1827 году, в присутствии автора в крепости Эривани, в одной из комнат дворца Саардарского”» [Филиппов 1946, с. 299]. А также приводится ссылка на 3-й номер газеты «Тифлиские новости» за 1832 г., откуда, собственно, и взята цитата.

Об этой постановке упоминается и в статье Я.С. Билинкиса и М.Я. Билинкиса «“Горе от ума” на русской сцене», опубликованной в сборнике 1994 г. «Проблемы творчества А.С. Грибоедова». Исследователи пишут: «Существует версия, что отдельные сцены из комедии показывались молодыми офицерами-любителями в 1827 г. в Сардарском дворце в Ереване (тогда Эривань), а в 1828 и 1832 гг. пьеса целиком – в Тбилиси (тогда Тифлисе), в семинарии Нерсисяна» [Билинкис Я.С., Билинкис М.Я. 1994, с. 110]. Очевидно, о постановке в Ереване сообщила именно газета «Тифлиские

²⁴ Там же. С. 210.

новости» после постановки 1832 г. Следует при этом вновь акцентировать, что это не более чем версия.

Гроссман продолжает: «Можно сто лет помнить, что в пыльном захолустье волжского городка Камышина жил высланный, нищий, едва живой Налбандян, что в Петербурге бедствовал, сидел в тюрьме Туманян и что Короленко пришел к воротам тюрьмы в день освобождения Туманяна», – продолжает Гроссман и переходит к новым выводам: «Живут, работают в тайге, в тундре Якутии важные и добрые дела, завязанные ссыльными студентами, Короленко, Таном-Богоразом, опальным Кропоткиным <...> Вот оно, вольное, доброе, неистребимое “русификаторство”, совершаемое Пушкиным, Добролюбовым, Герценом, Некрасовым, Толстым, Короленко!»²⁵.

Слово «русификаторство» здесь, конечно, употреблено неслучайно. После окончания Великой Отечественной войны русификация в плоскости языка и культуры постепенно становилась более агрессивной. И, безусловно, народы, обладавшие своей национальной культурой, говорившие на своем языке, зачастую чувствовали себя ущемленными [Аманжолова 2010; Бранденбергер 2017]. Само слово «русификаторство» очень скоро приобрело негативные коннотации. Поэтому Гроссман и говорит, что настоящее «русификаторство» – это не то, что насаждается, – это то, что само приживается, потому что оно хорошо.

Подтверждением этому служит следующий абзац:

Я подумал о вековых связях людей, народов, культур, что возникают вот так – в избах, на этапах, в лагерях, в солдатских казармах. <...>

Они есть те артерии и вены, по которым бежит вечная кровь. А поверхность жизни, шумная, бесплодная, заполняет, как мыльная пена, тех людей, которые и сами есть мыльная пена: трещат, шуршат и исчезают без следа.

<...>

Вот он пришел, горшок русского борща, и стал на стол в армянском доме. Вот он, армянский прочесноченный хаш, что в серьезном, сосредоточенном молчании едят бородатые мужики-молокане!²⁶.

Гуманистический взгляд Гроссмана постепенно перемещается в сторону животных – наиболее беззащитных созданий. В 1950–1960-х гг. Гроссман часто обращался к образам природы и

²⁵ Там же. С. 211–212.

²⁶ Там же. С. 212.

животных. Так, на природной символике основываются рассказы «Обвал», «Осенняя буря» и «Из окна автобуса», а также философская притча «Птенцы»²⁷. Мотив сочувствия к животным прослеживается в таких рассказах, как «Лось», «Собака», «Дорога» и «Тиргартен» и в зарисовках «За городом» и «Мысли и рассказы о животных и людях»²⁸. В них слышен призыв к сочувствию. Однако параллели между страданиями человека и страданиями животного эксплицируются именно в «Добро вам!».

Так, в цитируемой выше главе, где Гроссман пытается описать себя глазами местных жителей, есть и сцена общения с животными. Гроссман признается, что «В этот же день переводчик имел беседу с ишачком и овечкой, шедшими по тротуару в сторону горного пастбища». Все начиналось неплохо, однако вскоре внимание Гроссмана было отвергнуто:

Ишачок сперва довольно внимательно слушал русскую речь, а потом прижал уши, повернулся задом и хотел ударить переводчика копытцем. <...> А овца, которую хотел погладить переводчик, прижалась к ослику, ища у него покровительства и защиты. Было в этом что-то непередаваемо трогательное – овца инстинктом чувствует, что протянутая к ней рука человека несет смерть, и вот она хотела уберечься от смерти, искала у четвероногого ослики защиты от той руки, что создала сталь и термоядерное оружие²⁹.

Далее Гроссман отправляется по своим делам, однако случившееся не дает ему покоя и в конечном счете получает философскую интерпретацию:

Переводчик шел в сторону дома и думал об овце.

У овцы светлые глаза, они какие-то виноградно-стеклянные. <...>

Глаза овцы как-то по-особому отчужденно-стеклянно смотрят на человека, так не смотрят на человека глаза лошади, собаки, кошки...

²⁷ См.: Гроссман В.С. Обвал // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. С. 187–199; Он же Осенняя буря // Там же. С. 164–167; Он же. Из окна автобуса // Там же. С. 153–155; Он же. Птенцы // Там же. С. 168–175.

²⁸ См.: Гроссман В.С. Лось // Москва. 1963. № 1. С. 115–120; Он же. Собака // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. С. 176–184; Он же Дорога // Там же. С. 18–28; Он же Тиргартен // Там же. С. 121–150; Он же. За городом // Там же. С. 151–152; Он же. Мысли и рассказы о животных и людях // Радуга. 1988. № 10. С. 122–123.

²⁹ Гроссман В.С. Добро вам! // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. С. 215–216.

И наконец проявляются исторические аналогии:

Вот такими безразличными, отчужденными глазами смотрели бы обитатели гетто на своих гестаповских тюремщиков, если бы гетто существовало пять тысяч лет и каждый день на протяжении этих тысячелетий гестаповцы отбирали старух и детей для уничтожения в газовых камерах.

Наконец писатель восклицает:

Боже, боже, как долго должен человек вымаливать прощение у овцы, чтобы она простила его, не смотрела на него стеклянным взглядом! Какое кроткое и гордое презрение в этом стеклянном взгляде, какое божественное превосходство безгрешного травоядного над убийцей, пишущим книги и создающим кибернетические машины... Переводчик каялся перед овцой и знал, что завтра будет есть ее мясо.

Сочувствие к животному выражается и в главе, где описана поездка в религиозный центр Армении – город Эчмиадзин. На этот раз – на контрасте человеческого представления о допустимости насилия над животным и религиозной обрядовости, которая в изображении Гроссмана едва не переходит в оккультную. Кочар представил Гроссмана главе армянской церкви – католикосу Вазгену Первому. Когда встреча завершилась, Гроссман и Кочар направились к машине в сопровождении одного из монахов:

Провожал нас к машине красавец монах в черном капюшоне. Он шел рядом с Мартиросяном и о чем-то, смеясь, говорил с ним. <...>

Мы прошли мимо слепого нищего. Лицо его было печально, лицо Иова; мы прошли мимо крестьянина, ведущего к собору на веревке овцу, она была ужасна в трогательном и покорном ожидании смерти. Я посмотрел на красавца монаха, шедшего рядом, – бог доброты и сострадания не коснулся его дивного взора: он, смеясь, прошел мимо шепчущего старика и беспомощного, обреченного животного³⁰.

По отношению человека к живому существу – будь то другой человек или зверь – можно судить, чья вера истинна. Так, Гроссман признается, что не почувствовал присутствия верующих людей, находясь в Эчмиадзине. И даже католикос произвел на него впечатление умного светского человека. Но не более. Присутствие истинной веры рассказчик ощутил только в семье молокан. Тот самый ис-

³⁰ Там же. С. 253.

топник Иван отвел Гроссмана к своим родителям. Когда писатель встретил отца семейства, Алексея Михайловича, он был зачарован. Простой старик, робея перед просвещенным московским гостем, «говорил с горестью о том, что люди не хотят следовать главному закону жизни – желать того, чего желаешь себе, всем людям без изъятия, без различия национальности, без различия веры и неверия... Не желаешь плохого себе, не делаешь плохого себе – не желай плохого, не делай плохого людям»³¹.

В какой-то момент Гроссман не удержался и спросил его, как тот относится к убийству животных (старик пил чай с хлебом, в то время как остальные ели хаш и курицу). Ответ был простым: «Что же поделаешь, видно, без этого людям не обойтись, а вот на охоту ходить для забавы – это уж напрасно, это уж лишнее»³². В этот момент Алексей Михайлович вздохнул тяжело и добавил, что его сын, Иван, жесток. Действительно, Иван любил охоту. Для него убийство было спортом. И однажды, охмелев, он не без кичливости рассказывал Гроссману, «как уходит в горы – бьет козлов, рысь, убил однажды “барсука” – барса»³³.

Несколько страниц Гроссман посвящает вопросу творчества. Любое творчество субъективно и является результатом личностного, индивидуального восприятия мира.

Гроссман и Кочар как-то встречаются с армянскими крестьянами. Кочар долго и оживленно беседует с ними. Затем поясняет Гроссману, что разговор был о его романе. Очевидно, о том, литературной обработкой которого занимался Гроссман, – «Дети большого дома».

Эта сцена, конечно, ранит Гроссмана. Ведь его роман не прочитан никем, кроме нескольких знакомых и редакторов. Да и сам он приехал в Армению в сомнительном качестве: создатель книги, которой вроде как нет, мэтр отечественной литературы, согласившийся редактировать подстрочник армянского романа.

Не без сожаления Гроссман замечает:

Он говорит, что почти все его деревенские собеседники читали его роман, так вчитались в книгу, сроднились с ее героями, что просят автора изменить некоторые жестокие судьбы: потерявшему во время аварии две ноги вернуть одну ногу, просят оживить нескольких покойников. К нему обращаются, как к богу, всемогущему хозяину мира, в котором живут созданные им люди. Он хозяин их жизни и судьбы.

³¹ Там же. С. 256.

³² Там же. С. 257.

³³ Там же. С. 218.

Какое высокое чувство! Ведь это действительно счастье – люди, созданные тобой, стали частью любимого тобой народа³⁴.

Выражение «хозяин их жизни и судьбы» употреблено, конечно, не случайно.

Отталкиваясь от сказанного выше, Гроссман переходит к другой мысли, вновь гуманистической: «И как все же добр народ – он никогда не просит оторвать вторую ногу у того, кто стал одноногим калекой. Он не просит заменить орден Суворова, врученный полководцу, медалью “За боевые заслуги” или значком “Отличный повар”». Более того, и бездарно выписанного, ненужного и неправдоподобно действующего героя читатель готов простить, не осудив автора: «Он [народ. – Ю. Б.-Ю.] не просит бога взыскать с ответственного работника, который в метельную стужу и в знойной пыли, при лунном свете и при свете солнца изрекает истины, одни лишь истины».

Внимание Гроссмана отрывается от фигуры читателя и переносится на фигуру автора. Гроссман в эссеистической манере доказывает, что иронически употребленное слово «бог» не является гиперболой. Писатель действительно создает собственный мир, подобно богу. И мир этот невозможно перекроить и заменить другим миром, потому что в нем выражается душа автора – и у каждого автора она своя.

Поэтому, если «Хемингуэй заселит свой мир русскими будочниками и в доску пьяными тульскими слесарями, мир будет тот же хемингуэевский». А Г.И. Успенский, реши он писать об испанской революции, воссоздал бы свой дождливый мир, где «пронзительно-тоскливым будет и синее небо Испании, и дивный красавчик тореадор, кушающий молодых угрей в чесночном соусе и прихлебывающий виноградное вино».

Гроссман не идеализирует земных «богов». Отнюдь. Они не безгрешны, и творения их небезупречны. Но и у этого есть положительная сторона. Даже школьник может стать богом, если создаст что-то свое: «А есть миры, созданные гениальными школьниками, они хотят воссоздать, дать в тиражах тот мир, что напечатан лишь в одном экземпляре. Это великие школьники – они пишут переложение мирового чуда, они художники-реалисты...»

Совершенны же лишь те миры, которые безжизненны, которые созданы не по вдохновению, а по заказу. Жизнь, настаивает Гроссман, не любит лжи и театральности:

³⁴ Там же. С. 228–231.

Но все эти миры – миры живого образа и подобия! А ведь есть совсем иные боги, расторопные, служащие, боги-официанты, боги «чего изволите». Их мир населен бумажными призраками, раскрашенными картонными и восковыми фигурами. <...> И ведь удивительно и странно, но в самой безумной картине самого абстрактного субъективиста, создавшего нелепое соединение линии, точек, пятен, больше реализма, чем в гармоничных мирах, сработанных по конторскому заказу. Ведь странная, нелепая, безумная картина есть истинное выражение хотя бы одной живой человеческой души. А чью же живую душу выражает гармонический, полный натуральных подробностей, полный тучной пшеницы и дубрав мир, воздвигнутый по заказу?

Эта мысль будто случайно подсказывает Гроссману другую. Коль скоро мир несовершенен, не может быть, чтобы он был создан по заказу, а не по вдохновению:

Ведь не писатели и поэты, не композиторы создали душу Эйхмана, ледяной ад Антарктиды, тарантулов и кобр, бессмысленные провалы и бессмысленную жестокость космоса <...>. Позволительно будет спросить у божественного насмешника: по чьему образу и подобию созданы Гитлер, Гиммлер? Люди не дали Эйхману души, они лишь сшили для него мундир обер-штурмбанфюрера.

Однако тут же Гроссман предлагает собственную теодицею:

Призовем к скромности творца, он создал мир сгоряча и, не работая над черновиками, сразу же отпечатал его. Сколько в нем противоречий, длиннот, опечаток, сюжетных неувязок, лишних персонажей! А мастера знают, как больно кроить, резать живую ткань сгоряча написанной и сгоряча изданной книги.

Интерес к человеку, возведение такой категории, как «человечность», в высший ранг определили еще одну важную особенность этого очерка. Этот очерк нарочито, акцентированно субъективен. Гроссман не только говорит о подробностях жизни других людей – он отмечает и свое присутствие в жизни незнакомой страны. Но в то же время он не просто оказывается в новом городе – новый город будто становится образом в его сознании.

Так, автор отмечает, что «Первые минуты на улице незнакомого города – это особые минуты, их не могут заменить не только месяцы, но и годы»³⁵. Приезжий затрачивает «атомную зрительную энергию, ядерные силы внимания» на то, чтобы уловить каждую подробность, каждую деталь незнакомой обстановки. Все его су-

щество нацелено на то, чтобы вместить и переосмыслить целый мир – «огромную вселенную: дома, деревья, лица прохожих, вывески, площади, запахи, пыль, цвет неба, наружность собак и кошек». И наконец происходит нечто невероятное – создается новый, не существовавший раньше город:

В эти минуты человек, подобно всемогущему богу, совершает новый мир, создает, строит в себе город со всеми площадями, улицами его, дворами, дворянками, воробьями, с его тысячелетней историей, с его продовольственным и промтоварным снабжением, с оперой, забегаловками. Этот город, что внезапно возникает из небытия, особый город – он отличается от того, что существует в реальности, – это город человека: в нем по-особому, неповторимо шуршит осенняя листва, в нем по-особому пахнет пыль, стреляют из рогаток мальчишки.

Есть в этом очерке, соответственно, и фрагмент, который философски противопоставлен процитированному выше. Это описание надвигающейся смерти.

Гроссман отправляется на пикник с Кочаром и его друзьями. Домой он возвращается поздним вечером, в подпитии, и сразу ложится спать. И вдруг среди ночи он просыпается. Его охватывают страх смерти и ощущение безысходного одиночества, равносильные, вероятно, арзамасскому ужасу Л.Н. Толстого.

Тихо. Сердце бьется сильно, тревожно, но не болит, вот только тело покрыто прохладной испариной. Кругом все тихо. Но именно потому, что пробуждение не вызвано болью, оно пугает, настораживает. Что-то случилось, но что же? Хочется вскочить, двигаться, зажечь свет, открыть окно, и почему-то страшно пошевелиться, страшно кашлянуть, поглядеть на лежащие на стуле, рядом с изголовьем, часы. Какая-то незримая беда заполнила ночную духоту. Чувство необычайного одиночества охватывает человека, слышится ли рядом дыхание спящей жены, либо человек один в комнате – он совершенно одинок и беспомощен.

Я проснулся среди ночи и понял, что умираю. Сердце, казалось, билось отдельно от меня, я дышал ровно, но воздуха в легких не было, словно я дышал одним лишь бесполезным азотом. Чувство предсмертной тоски охватило меня. Мне казалось, что тело покидало меня, бросало меня – меня покидали мои руки, ноги, мои легкие, сердце, моего «я» уже не было в них, я не ощущал своих пальцев изнутри, как привык их ощущать с первого мига своего рождения, – а извне; я становился

³⁵ Там же. С. 205.

сам по себе, а тело становится само, отдельно от меня. Я щупал свой пульс, я ощущал ладонями лоб в холодном поту, но меня, меня, моего «я» уже почти не было ни в этих пальцах, ни в этом пульсе, бившемся под нажимом пальцев, отказавших моему «я» в убежище; и в холодной ладони, и в холодном лбу под ладонью меня было все меньше, с каждой секундой мы все больше расставались³⁶.

Субъективность сочинения определила еще одну важную особенность – интимность. В «Добро вам» содержится множество сцен, как бы не свойственных гроссмановской прозе. Необычность эта, безусловно, коренится в истории возникновения очерка и логическим образом сформировавшихся формальных и содержательных его параметрах. Гроссман должен был стать создателем эпопеи о Сталинградском сражении, но был разжалован даже из кандидатов. Роман «За правое дело» был качественным произведением о войне. Однако, с точки зрения официальной, это всего лишь хорошая книга, не завершенная в силу неназванных причин. А потом писатель и вовсе стал переводчиком. Терять было нечего. Поэтому Гроссман часто смеется над собой. Он упоминает, что покупал лекарства, говорит о том, как пил спиртное, и признается, что у него болел живот. Глава, описывающая знакомство Гроссмана с Ереваном, и вовсе заканчивается конфузно. Гроссман намекает, что ему необходимо срочно найти туалет. И внимательный читатель может догадаться, что находит он его в нескольких метрах от конечной остановки трамвая³⁷.

Но даже такие сцены служили выражением публицистической идеи очерка. Перед читателем возникал образ не просто советского литератора, а пожилого, искреннего человека. Он не лишен слабостей и склонен к самоиронии. Но главное – ему доступна высшая мудрость жизни. И она – в ценности самой жизни и категорическом неприятии всего, что эту жизнь разрушает. Собственно, это и было акцентировано Н.С. Атаровым, написавшим предисловие к сборнику³⁸.

* * *

Ноябрьский номер журнала «Знамя» за 1988 г. поместил на первых страницах то, что редакция охарактеризовала как «рукопись» очерка «Добро вам». В предисловии давалась жанровая характери-

³⁶ Там же. С. 243–244.

³⁷ Там же. С. 208–209.

³⁸ См.: Атаров Н.С. Предисловие // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы.. С. 3–17.

стика («очерк-исповедь»), упоминалось об авторской самоиронии, а также приводилась краткая история публикации:

Записки «Добро вам!», предназначавшиеся для «Нового мира» Твардовского, не были тогда напечатаны и с той поры публиковались лишь со значительными купюрами в журнале «Литературная Армения» (1965, № 6–7) и в одном из сборников Вас. Гроссмана. Полностью приходят к широкому читателю впервые. Рукопись подготовлена к печати дочерью писателя. – Е.В. Короткова-Гроссман³⁹.

У Гончар-Ханджян есть отклик на это вступление. Она настаивала, что в «Литературной Армении» воспроизведен почти весь текст новомирской «верстки», одобренной самим Гроссманом:

Дабы не думалось, что «Литературная Армения», не больно церемонясь, черкала гроссмановские заметки, уточню еще раз, что печатался ею новомирский текст, сложившийся по «воле» самого автора в тех или иных сокращениях относительно рукописи, ныне представленной в «Знамени» дочерью писателя Е.В. Коротковой в качестве полного текста записок⁴⁰.

Впечатление такое, будто Гончар-Ханджян уязвлена. Ведь она не указывает патроним в фамилии Е.В. Коротковой. В подстраничной сноске дается пояснение:

Должна сказать, что по прочтении «Добро вам» в «Знамени» я подумала, что очень бы стоило сопоставить текст, представленный самим автором к напечатанию в «Новом мире», и рукопись, опубликованную ныне в «Знамени», выяснить, так сказать, природу и мотивы сокращений: что среди них отвечало его «воле», выявляло ее, а что состоялось «поневоле». Хотелось бы представить себе конкретно, а не обошлось ли в публикации «Знамени» где-то и в чем-то без должного учета авторской «воли» и решений в работе над текстом⁴¹.

Трудно судить о силе этого аргумента, поскольку в «Литературной Армении» машинопись тоже сокращали. Это и сама Гончар-Ханджян признала. И вроде бы Гроссман согласился опубликовать очерк в той редакции, которая находилась в «Новом мире»,

³⁹ [Короткова-Гроссман Е.В.] [Б. н.] // Знамя. 1988. № 11. С. 5.

⁴⁰ Гончар-Ханджян Н.А. К истории публикации «Добро вам!» и к истории журнала «Литературная Армения» // Литературная Армения. 1989. № 2. С. 83.

⁴¹ Там же.

если бы не требование снять последний абзац. Однако советские писатели работали с оглядкой на политические ограничения. Мысль о необходимом или возможном компромиссе сопутствовала творчеству (очевидно, крайне редко ему содействовала, если только под «творчеством» не подразумевалось «исполнение заказа»). Из романа «За правое дело» были удалены целые главы, «Жизнь и судьба» и вовсе была конфискована. Мало оснований думать, что в новомирской редакции «Добро вам!» Гроссман действительно сказал именно то, что сказать хотел.

Однако можно предположить, что протест Гончар-Ханджян против публикации рукописи имел не только профессиональное, но и субъективное происхождение. Дело в том, что в редакции «Знамени» о литературном сообществе Армении содержится много нелестных замечаний.

Так, в редакциях 1965 и 1967 гг. упоминается, что Гроссман не был встречен по приезду в Ереван. Но это сказано без упрекающей интонации. В редакции 1988 г. слышна обида: «...а я дал телеграмму о выезде писателю Мартиросяну, чью книгу приехал переводить. Я был уверен, что меня встретят, я даже думал, что встретит меня не только Мартиросян, но и другие писатели-армяне»⁴².

Затем Гроссман задается вопросом, почему же его не встречают. И наконец радуется, что его попутчики не видят, в каком нелепом положении он оказался: «Хорошо, что мои соседи по купе не видели меня на площади. Вчера я надменно отверг их попытки объяснить мне, какими автобусами должно добираться до гостиницы. Они поняли, что меня встретят на легковой».

В редакциях 1965 и 1967 гг. Гроссман огорчается, что оказался неинтересен местным литераторам, кому бы его ни представили. Один из них даже перепутал его с Л.П. Гроссманом и поинтересовался, не намеревается ли тот переиздавать «Записки д'Аршиака».

В редакции 1988 г. эта тема развивается, причем неблагоприятным для Гончар-Ханджян и ее товарищей образом. А именно – Гроссман описывает свою встречу с Боряном:

Редактор русского журнала «Литературная Армения» при нашем знакомстве не проявил даже микропризнаков интереса к моему прибытию в Армению – он не пригласил меня напечататься. Человеческого интереса редактор ко мне тоже не проявил – не задал одного-двух вопросов, которые задают из приличия, чтобы создать видимость человеческого общения⁴³.

⁴² Гроссман В. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 14.

⁴³ Там же. С. 18.

Заслуги Гроссмана перед армянским народом также не были учтены:

Подобным же образом встретились со мной и армянский поэт, и руководитель Союза писателей, и дама-поэтесса. Все это меня огорчило, – я слышал, что ереванская интеллигенция очень патриотична, очень чувствительна к тому, что пишут на иных языках об армянах. А случилось так, что я довольно много писал об армянах в своих военных статьях, в книгах «Народ бессмертен» и «За правое дело». И статьи мои, и «Народ бессмертен», и «За правое дело» были переведены на армянский язык, я получал от армян-читателей письма.

Оставалось утешаться предположением, что причиной непризнания был арест романа. Иначе бы среди армянских писателей нашлись те, кто свел бы с опальным писателем знакомство... На это же, видимо, намекала и Гончар-Ханджян, не преминув напомнить читателю, что столичные коллеги Гроссмана обходились с ним куда менее гостеприимно:

Но мне кажется, что неверно было бы сегодня судить о редакторе «Литературной Армении» Гургене Боряне по его безразличию в тот момент. В конце концов армянский поэт мог быть и мало знаком с творчеством Гроссмана, и далеко не вполне представлять себе значительность его как художника, зато до него наверняка дошло в свое время, с каким «небезразличием» обрушивались на Гроссмана куда более искушенные знатоки русской прозы, «сильные» и даже «все-сильные» литературного мира, ну, например, Мариэтта Шагинян или Александр Фадеев. Наверняка знал он что-то и о судьбе гроссмановского романа <...>⁴⁴.

Однако и такие аргументы не снимали всех претензий Гроссмана и не дезавуировали его замечаний относительно одаренности армянских товарищей по работе. Невольно складывается впечатление, что Гроссман их просто не считал писателями. Чиновниками – да, но не писателями:

Меня несколько утешило то, что некоторые мои собеседники отчетливо помнили приезды в Армению работников аппарата московского Союза писателей и даже приезды дамы, выдававшей в московском Литфонде путевки в дома отдыха и санатории. Меня утешил-

⁴⁴ Гончар-Ханджян Н.А. К истории публикации «Добро вам!» и к истории журнала «Литературная Армения». С. 81–82.

ло несколько и то, что совершенно сияющими были воспоминания об именитых московских гостях, чьи служебные заслуги, на мой взгляд, превосходили их заслуги перед литературой⁴⁵.

Словно Мастер, столкнувшийся с членами МАССОЛИТа.

Однако неприязненное отношение к армянским писателям могло также подпитываться чувством несоответствия, которое изводило Гроссмана. Большую часть времени он был подавлен и невольно возвращался к мысли, что он уже не писатель: «Причина (имеется в виду арест романа. – Ю. Б.-Ю.) горькая, ничего не скажешь. Но в подобном положении человек не склонен преувеличивать значение своей личности. И мне рисовалась причина еще более горькая – дело не в опале, дело в моем полном литературном и человеческом ничтожестве... Пигмей, пигмей, чего хочешь ты?»⁴⁶.

Кочару и составителю подстрочника – А.А. Таронян – Гроссман также дал характеристику, которая не вошла в редакции 1965 и 1967 гг.

Таронян представлена как грузная, но темпераментная женщина:

Переводчица Гортензия влезает в автобус боком, с грацией толстухи. Армянские юноши смотрят на нее глазами молодых волков. Ее успех здесь грандиозен, он пришел на смену московскому скептицизму, обращенному к ее титанической груди и легендарным бокам⁴⁷.

Кроме того, она не знает стеснения перед мужчинами: «Гортензия порывиста, добра, бесцеремонна, цинична. Она чистит друзьям-мужчинам ботинки, стирает им носки, подштанники, покупает для них на базаре яблоки и кислую капусту, снабжает их лекарствами, всегда готова поставить пожилому товарищу банки, а если нужно и мыльную клизму».

О Кочаре Гроссман пишет как о великом патриоте армянского народа, который «по выражению Анатоля Франса, любит хвалить господ в творениях его». Далее следует список «творений», которые Кочар ценит более всего: «А творения господ беспрельдно разнообразны, к ним относятся не только внуки Евы, но и суп хаш, и суп спас, и шашлык из бараньих почек, и розовая форель, и сельский мацун, и вода джермук, и бильярд, и фаршированные синие баклажаны, и дом из розового туфа на берегу журчащего горного потока, и купе международного вагона, и беседа друзей, и кресло в президиуме...».

⁴⁵ Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 19.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 31–32.

Действительно, подобные характеристики могли оказаться обидными для товарищей Гроссмана, с которыми он провел несколько недель. И здесь уже, вероятно, становится правомерен аргумент о воле автора. Не исключено, что сам Гроссман не пожелал бы публикации этих фрагментов.

По этическим соображениям, очевидно, были сняты и некоторые ремарки, касающиеся церковной жизни Армении. В редакциях 1965 и 1967 гг. содержатся замечания Гроссмана о язычестве, так и не вытесненном христианством. Но только в редакции 1988 г. есть следующая ремарка: «Язычество живет и в самих храмах и церквях, оно в грубой материальности тех подношений, что делают заграничные миллионщики-армяне богу, – в массивном золоте, в огромных изумрудах, в алмазах, в пудовых серебряных купелях»⁴⁸.

Чуть ниже Гроссман признается, что его «особенно поразили неправдоподобно огромные изумруды и рубины, украшающие серебряные и золотые ризы, пудовые драгоценные переплеты евангелия, осыпанные крупными бриллиантами кресты», а затем восклицает: «Сколько очевидной любому ребенку неправды было в этом пышном переплете евангелия!».

Если описание Кочара, Таронян и организаторов поездки могли быть сняты – причем самим Гроссманом – как потенциально оскорбительные, то приведенные выше пассажи были бы расценены как вредоносные в политическом отношении. Публицистическая мысль Гроссмана сводима к тому, что церковь должна быть проста и скромна. Но эта мысль неизбежно задевала бы авторитет церкви, во-первых. А во-вторых, она привлекала бы в очередной раз внимание к самому факту существования религии как таковой в атеистическом Советском Союзе.

С другой же стороны, в официальной религиозности Армении было даже больше политики, чем культуры. Во время разговора с Вазгеном Первым Гроссман отчетливо ощутил сродство государственной и церковной жизни. Деликатно и осторожно об этом сказано еще в редакциях 1960-х гг. В полной же редакции эта мысль акцентирована:

Что-то внутренне объединяло их – коммуниста в отличном костюме, знатока армянской истории, владельца милой дачи, любителя вин и коллекционера, и патриарха церкви, европейски образованного филолога с телефонами на столе, воспитанного и светского человека.

Это «что-то», объединявшее их, было несходство Мартиросяна с тем, кто голодный, кашляющий, в рваной шинели горел пламенем

⁴⁸ Там же. С. 46–47.

революции, несходство Вазгена I с тем, кто, проповедуя слово божье, в счастливым озарении поднимался на костер.

Две великих идеи человечества: царства небесного и царства божия на земле – были представлены этими двумя людьми⁴⁹.

Неэтичными в 1960-х гг., очевидно, были сочтены и некоторые выражения, использованные автором для описания внешности армян, а также их нравов – поэтому ни в редакции 1965-го, ни в редакции 1967 г. мы их не найдем. В «Знамени» эти фрагменты приводятся.

Так, Гроссман объясняет себе обилие небритых мужчин тем, что «трудно брить железные бороды»⁵⁰. А наблюдая заклание овцы по дороге к Дилижану, Гроссман записывает: «Убийцы с добрыми, честными лицами разделяют окровавленное тело только что убитой ими овцы. Пошатываясь, идет упившийся пьянчуга. Вот она, грешная жизнь грешной долины»⁵¹. Действительно, характеристика, близкая к политнекорректной. Хотя публицистической установке Гроссмана это не противоречит: он описывает жизнь простого человека, а настоящая жизнь – именно такая.

Неэтичными показались и физиологические рассуждения и описания Гроссмана. Из редакции 1988 г. мы узнаем, что в тот день, когда он каялся перед овцой, он купил в сельмаге не «сердечные капли», а «пачечку пургена»⁵². На стариковских кальсонах, которые видел Гроссман во внутреннем дворе Еревана, в редакции 1988 г. проявляется особенность клинического характера – «обесцвеченные на ширинке [курсив мой. – Ю. Б.-Ю.] кальсоны армянских старцев»⁵³. Старик Андреас не просто усаживает свою мертвую супругу за стол – он хочет ее кормить⁵⁴. Этот образ, действительно, более пугающий.

Жалобы Гроссмана на здоровье становятся более конкретными и точными. Концовка третьей главы по редакции 1967 г. (четвертой – по редакции 1965 г., пятой – по редакции 1988 г.) перестает быть загадочной: становится понятно, что Гроссман ищет туалет⁵⁵.

⁴⁹ Там же. С. 49.

⁵⁰ Там же. С. 16

⁵¹ Там же. С. 39.

⁵² Ср.: Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 216; Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 22.

⁵³ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 207; Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 16.

⁵⁴ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 34; Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 8.

⁵⁵ См.: Гроссман В. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 17–18.

Эта же проблема упоминается и в последней главе очерка (армянская свадьба), однако исключительно в редакции 1988 г. Важно это описание, безусловно, не само по себе. Важен скорее вывод. Гроссман оказывается в крайне неудобном положении: он едет в автобусе с незнакомыми людьми, не говорящими по-русски. Кругом – каменистая равнина. Но, на его удачу, водителю приходится заехать в автомастерскую. Рядом с ней – то, что нужно. Иронический рассказ Гроссмана о случившемся прерывается вдруг рассуждением об удаче:

Мне вспомнился один не любивший меня московский литератор; он говорил, что считает неудачников самой жалкой породой людей, а я, по его мнению, был типичным представителем вечных литературных неудачников. Прав ли он, думал я. Ведь поистине счастливое стечение обстоятельств спасло меня от позорной катастрофы. Все это так, конечно. Но если считать, что человеку отпущено определенное количество удачи и счастья, то не жалким ли образом я истратил их, ведь не на всемирную славу, не на блеск и богатство пошли сегодня мое счастье, моя удача⁵⁶.

Горестное заключение Гроссмана можно понять лишь с учетом его профессиональной биографии. В 1960 г. его роман был осужден. В следующем – конфискован. Сам Гроссман оказался бессилён вернуть рукопись. От неприкаянности приехал в Армению в качестве переводчика. И тут же выяснилось, что никому он неинтересен. Даже, в общем-то, Кочару, как следует из одного из писем к поэту и переводчику С.И. Липкину, с которым Гроссман дружил⁵⁷. Ко всему этому добавились проблемы со здоровьем... Но вот он, момент удачи: в роковую минуту до отхожего места Гроссман дотерпел.

А Кочар тем временем издает свою «Жизнь и судьбу».

В рукописи, опубликованной «Знаменем», содержались рассуждения не только о внешности, но и о национальном характере армян. Были они сняты при подготовке 1960-х гг. или же Гроссман представил сокращенный вариант, неизвестно. Однако эти рассуждения принципиально важны в публицистическом аспекте.

Композиционно эта часть очерка продолжает ту, в которой говорится о внешности армян – о том, насколько она бывает различна. Здесь Гроссман обращается к характеристикам внутренним. «Я встретил богатство человеческих характеров – в Ереване, в рав-

⁵⁶ Там же. С. 57–58.

⁵⁷ См.: *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М.: Книга, 1990. С. 88–89.

нинных и горных поселках, деревнях. Я встречал армян ученых, врачей, инженеров, строителей, старых революционеров, партийных деятелей, художников, журналистов. <...> видел убийц, стияг, спортсменов, леваков и ловкачей, видел беспомощных оболтусов, видел полковников и севанских рыбаков»⁵⁸, – среди армян есть представители всех профессий, есть герои высшей марки и грешники всех сортов. Однако больше всего Гроссмана впечатлили армянские старики:

Я видел деревенских стариков, перебирающих коричневыми пальцами янтарные четки, – огромный, почти столетний труд среди базальтовых камней не ожесточил и не огрубил их, в глазах их была мягкая улыбка, ум.

Опыт общения с простыми людьми рождает в сердце автора негодование на тех, кто видит не живых людей, а лишь стереотипы: «И тут мне приходят в голову ходячие представления об армянах, бытующие в жизни не только русского лабаза, армянские анекдоты – глупые и ошеломляюще сальные».

И плохо не только то, что подобные шутки оказались крайне живучи, но и то, что стереотипический образ создавался во многом при посредничестве русской литературы:

Горько, что самая великая литература Земли и величайшие представители этой литературы иногда прикладывали руку к недоброму делу создания ходячего образа армянина – торгаша, сластолюбца, хапуги. Как могло случиться, что великая литература работала на лабаз, на туполобое, шовинистическое человеконенавистничество?

То, что сначала кажется шуткой, может, по словам Гроссмана, привести к большой беде. Двадцатый век доказал это: «Только во времена Гитлера, после него во весь свой страшный рост встали вопросы национальной ненависти, национального презрения, национального превосходства».

Далее Гроссман рассуждает о таком понятии, как национальный характер. Существует ли он вообще – или же это химера:

Я говорил со многими десятками людей, у каждого, конечно, свои интересы, страсти, горести, надежды, своя судьба, свои друзья, свои враги... Что общего между жизнью, судьбой, горем, надеждой пожилого пастуха, живущего на склоне Арагаца, и молоденькой аспирантки,

⁵⁸ Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 10–13.

тоскующей о своем московском друге, пишущей работу о французской литературе XVIII века и жаждущей купить нейлоновую шубу.

И все же общее есть. Есть основа, которая объединяет миллионы человеческих жизней и судеб, подобно подземному источнику, который дал начало множеству «ручьев, бегущих среди лесов, горных камней, пустынных песков, молчаливых, задумчивых, ревущих, пенящихся, прозрачных и мутных».

Однако, вновь оговаривается Гроссман, любой национальный характер не может заменить характера индивидуального. Характер этнический – это не более, чем «окраска, цвет человеческого характера, кристаллическая форма человеческого характера».

При этом обязательным условием развития национального характера является развитие человеческого характера. А для этого необходима свобода:

Какое доброе, хорошее богатство приносит людям общение с людьми других наций в условиях свободы! Представьте себе наших русских умных, наблюдательных, веселых и добрых деревенских старух, стариков рабочих, парней, девчонок, попадающих в котел свободного человеческого общения с людьми Южной и Северной Америки, Китая, Франции, Индии, Англии, Конго.

Увидев и попробовав на вкус другую жизнь, рассуждает Гроссман, люди изменятся раз и навсегда. «И какой нищей покажется бесчеловечная слепота национальной ограниченности и государственной розни».

И далее – восклицание, также публицистическое в своей основе: «Поистине пора признать, что все люди братья».

Отсутствие свободы и, хуже того, репрессивная политика приводят, согласно Гроссману, к тому, что индивидуальный характер человека уничтожается, а национальный начинает использоваться как почва и одновременно инструмент спекуляции и эксплуатации. Более того, «реакция обоготворяет черты национального типа, и это обожествление национального и пренебрежение к человеческой сути так же нелепы, как уродливая и издевательская типизация образа армянина русским лабазом, – суть едина, лишь знак минус меняется на знак плюс».

Однако не только работники русского лабаза способствовали обесцениванию армянской культуры. Этим же занимались и пламенные армянские патриоты, с которыми встретился Гроссман, – просто характер мифостроения противоположный. Не в сторону минуса, а в сторону плюса:

Разговаривая с некоторыми интеллигентными армянами, я видел их большую национальную гордость – они гордились армянской историей, своими полководцами, своей древней архитектурой, поэзией и наукой. Что ж, прекрасно! <...> Но кое-кто из моих собеседников во всех областях человеческого творчества прежде всего особо выделял армянский национальный приоритет – в архитектуре, науке, поэзии.

Так, вспоминает автор, в подобных разговорах неизменно отмечалось «превосходство архитектурных достоинств древнего храма в Гарни над казавшейся им конфетной, примитивной архитектурой Акрополя». А некая «интеллигентная женщина» старательно объясняла Гроссману, что «гений Туманяна выше гения Пушкина».

Гроссман, прошедший войну и бывший свидетелем антисemitских кампаний в СССР, с печалью слушал о превосходстве армян над другими народами: «Мои собеседники, сами того не замечая, обедняли свои души и сердца тем, что переставали радоваться поэзии, совершенству архитектуры, величию науки, а видели в поэзии и науке лишь средство утвердить свое национальное превосходство. Это стремление бывает так фанатично, узко, что минутами кажется проявлением безумия».

В то же время он понимал, «что виновны в этом чрезвычайном утверждении национального армянского характера прежде всего те, кто на протяжении долгих веков попирает достоинство армян». Это и «турецкие убийцы, лившие невинную армянскую кровь», и «завоеватели-ассимиляторы», и «шутники-рассказчики армянских анекдотов...»

Таким образом, именно здесь публицистическая мысль Гроссмана получает композиционное и логическое завершение. Описание внешности, присутствующее в редакциях 1960-х гг., было лишь началом рассуждения о равенстве всех людей и необходимости этот факт признать. Мысли о национальном и индивидуальном характере должны были стать точкой в этом разговоре.

Существенному сокращению подверглась и политическая составляющая «Добро вам!». Из редакций 1960-х гг. исчезли то здесь, то там встречающиеся упоминания о советской лагерной системе. К примеру, присутствующая в редакциях 1965 и 1967 гг. фраза «К чему только люди не привыкают!» в редакции 1988 г. имеет продолжение: «К чему только люди не привыкают – к морю, к южному звездному небу, к любви, к тюремной койке и лагерной проволоке (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.)»⁵⁹. Одно из рассуждений

⁵⁹ Ср.: Гроссман, В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 226; Он же. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 32.

Гроссмана о жизни и смерти в редакции 1960-х гг. звучит так: «Вот я и думаю – мир противоречий, длиннот, опечаток, безводных пустынь, мудрых мыслей и дураков, мир страданий, нужды, труда, мир окрашенных вечерним солнцем горных вершин прекрасен. Не будь он так прекрасен, не было бы страшной, ни с чем не сравнимой смертной тоски умирающего человека». В редакции «Знамени» – иначе. Здесь публицистический диапазон шире: «Вот я и думаю: мир противоречий, длиннот, опечаток, безводных пустынь, *лагерных комендантов* (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.), дураков, безводных пустынь, окрашенных вечерним солнцем горных вершин прекрасен. Не будь он так прекрасен, не было бы страшной, ни с чем не сравнимой смертной тоски умирающего человека»⁶⁰.

Порой «вычищение» лагерной темы оказывалось неполным – и оттого производило цинический эффект. К примеру, в редакции 1965 и 1967 гг. о тете Гроссмана, Рахили Семеновне, сказано так:

Ей выпала нелегкая жизнь – она рано овдовела, ее сын Володя, химик-бактериолог, был репрессирован в 1937 году и умер в тюрьме, не хотел сознаться, что отравлял колодцы; ее дочь Нина, девушка удивительно милая и красивая, покончила самоубийством в день, когда ей вручили диплом с отличием об окончании химического института; ее младший сын Яша был убит на фронте во время кавалерийской атаки – он был бойцом-конником.

В редакции «Знамени» эта история звучит трагичнее:

Ей выпала нелегкая жизнь – *ее муж, экономист, был без вины репрессирован в 1937 году и умер на Колыме, ее сын Володя, читавший, несмотря на молодые годы, микробиологию в университете, был репрессирован и забит следователем в тюрьме*, не хотел сознаться, что отравлял колодцы; ее дочь Нина, девушка удивительно милая и красивая, покончила самоубийством в день, когда ей вручили диплом с отличием об окончании Химического института, ее младший сын Яша был убит на фронте во время кавалерийской атаки – он был бойцом-конником⁶¹.

Такие курьезы (если подобное слово в принципе применимо в подобном контексте) порой наталкивают на мысль, что советская цензура была селективной. И подчинялась, видимо, не столько

⁶⁰ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 245; *Он же*. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 44.

⁶¹ Там же. С. 235; Там же. С. 38.

качественным, сколько количественным параметрам. Из двух покойников сделали одного, понизив при этом градус жестокости. Все вроде бы логично: речь ведь о детях. К чему упоминать, что репрессирован был еще и муж?

Однако наиболее обширная правка коснулась образа Сталина. Даже не его образа, а образа возвышавшегося над Ереваном памятника Сталину.

Редакция 1967 г. не содержит этого описания вовсе. В редакции 1965 г. оно приведено в сокращенном виде (см. выше). В редакции «Знамени» это описание занимает особое место.

Гроссман рассказывает о том, как собирали этот памятник, как он был установлен в 1951 г., с каким неподдельным восторгом говорили о вожде на церемонии открытия и представители армянской интеллигенции, и школьники, и студенты, и партийные работники. «В характере Сталина выразился характер построенного им государства»⁶², – резюмирует Гроссман.

Еще подробнее рассказывает Гроссман о том, как он спорил с местными жителями, стоит ли сохранить памятник. В то время, как почти все они выступали за демонтаж, сам автор занял неожиданную, казалось бы, позицию. Он, раздраженный огульной критикой вождя, решил «замолвить словцо о причастности Сталина к созданию Советского государства». Но – безрезультатно. «Мои собеседники не хотели присвоить ему и кванта заслуг в строительстве тяжелых и сверхтяжелых заводов, в руководстве войной, в создании советского государственного устройства. Все совершилось вопреки ему, несмотря на него», – досадует Гроссман и обвиняет их в предвзятости: «Эта абсолютная необъективность могла быть сравнима лишь с той необъективностью, что, вероятно, проявляли эти же люди при жизни Сталина, в абсолютных формах обожествляя его ум, волю, предвидение, гений».

В очередную годовщину октябрьской революции в Ереване был салют. Гроссман и его товарищи находились в этот момент недалеко от памятника Сталину:

Светящийся, раскаленный дым клубился вокруг бронзовых ног хозяина. Казалось, генералиссимус в последний раз командовал своей артиллерией – мрак раскалывался грохотом и огнем <...> и вдруг из горной тьмы выступал грозный бронзовый бог в шинели.

Восхищенный эпической картиной Гроссман заключает:

⁶² Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 7–8.

Нет, нет, нельзя уже отнять от него того, что принадлежит ему, – он, он, совершивший множество бесчеловечных злодейств, безжалостный строитель, руководитель великого и грозного государства.

Эти замечания, конечно, субъективны. Однако Гроссман не говорил истины – он высказывал мнение. Важно, что в аспекте композиционном описание памятника служит своего рода фоном истории Андреаса. Этот фон позволяет рассмотреть несчастного безумца. И хотя эта связь прослеживается уже в редакции «Литературной Армении», в рукописи она видна отчетливо – и в первую очередь потому, что в рукописи проявляется связь между Андреасом... и самим Гроссманом, ассоциирующим себя со стариком, лишившимся рассудка.

По редакции 1965 г. мы угадываем, что Гроссман не испытывает антагонистического чувства к Сталину. В редакции же 1988 г. отношение к покойному вождю эксплицировано. Гроссман заявляет, что признает его заслуги. Именно страна, руководимая Сталиным, уничтожила фашизм. А фашизм отнял у Гроссмана мать. Поэтому Гроссман отдает политику Сталину дань уважения.

Андреас потерял всю свою семью. И остановить турок было некому. Поэтому его рассудок помутился. Но именно безумие и стало ему спасением. Оно принесло избавительную иллюзию, что его горе отмщено.

Об этом говорится в редакции, опубликованной «Знаменем». Полу жирным шрифтом выделены те фразы, которых нет в «Литературной Армении»:

Когда Андреас увидел исчезновение Сталина, он пришел в страшный гнев. Он потрясал посохом, он бросался на шоферов, на детей, на Карапета-агу, на студентов-лыжников, приехавших из Еревана.

Для него Сталин был победителем немцев. А немцы были союзниками турок. *Значит, памятник Сталину разрушили агенты турок. А ведь турки убивали армянских женщин и детей, казнили армянских стариков, бесчеловечно уничтожали мирных, ни в чем не повинных тружеников – крестьян, рабочих, ремесленников, убивали армянских писателей, ученых, певцов. Турки убили родных Андреаса, разрушили его дом, убили его брата. Турки убивали купцов-армян и армян-нищих, убивали армянский народ.* Против турок воевал великий Андроник-паша, русский генерал. *А главнокомандующим русской армии, разбившей могущественных союзников турок, был Сталин* (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.).

Весь поселок смеялся над гневом Андреаса – *он спутал две войны – в его безумном мозгу смешались 1914 и 1941 годы...* Сумасшедший старик требовал, чтобы гипсовый, покрытый золотой фольгой Сталин

вновь вернулся на площадь в Цахкадзоре – *ведь он разгромил немцев, победил Гитлера*. Люди смеялись над стариком – он был безумен, а люди вокруг не были безумны (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.)⁶³.

Последний комментарий («а люди вокруг не были безумны») звучит иронично. Но ирония эта горькая. Горькая еще и потому, что некогда успешный московский литератор Гроссман соотносит свою судьбу с судьбой сумасшедшего армянского старика. Как и Андреас, Гроссман странен окружающим. Он одинок. И не слишком счастлив.

* * *

Таким образом, публицистическая мысль очерка оставалась неизменной во всех опубликованных в редакциях и могла бы быть заменена контекстным синонимом – гуманистическая мысль. По сути, выражена она в одном из последних абзацев «Добро вам!», сохранившихся в каждой опубликованной редакции: «Пусть обратятся в скелеты бессмертные горы, а человек пусть длится вечно»⁶⁴.

При этом следует отметить, что в редакции 1988 г. эта мысль выражалась наиболее полно, на большем количестве уровней. Автобиографические замечания, восстановленные при подготовке рукописи к публикации, включение более индивидуальных, интимных описаний и рассуждений, купированных в 1960-х гг., вербализовали публицистическую основу очерка и служили логическим завершением гуманистического высказывания.

Литература

- Аманжолова 2010 – Аманжолова Д.А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920–1930-е гг. М.: Собрание, 2010. 247 с.
- Билинkis Я.С., Билинkis М.Я. 1994 – Билинkis Я.С., Билинkis М.Я. «Горе от ума» на русской сцене // Проблемы творчества А.С. Грибоедова / РАН. Отд-ние лит. и яз., Пушкинская комиссия. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. С. 110–120.
- Бит-Юнан, Фельдман 2019 – Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. Василий Гроссман: биография писателя в политическом контексте советской эпохи. М.: РГГУ, 2019. 796 с.

⁶³ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 34; Он же. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 9.

⁶⁴ Там же. № 7. С. 51; Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 271; Он же. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 62.

- Бочаров 1970 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Критико-библиографический очерк. М.: Советский писатель, 1970. 303 с.
- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Бранденбергер 2017 – *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 405 с.
- Филиппов 1946 – *Филиппов В.А.* Ранние постановки «Горя от ума» // Литературное наследство. Т. 47–48. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 299–324.
- Ferrari 2011 – *Ferrari A.* Dobro vam! L'Armenia di Vasilij Grossman // L'Umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domani eterne / A cura di P. Tosco. Milano: Rubbettino, 2011. P. 429–446.
- Lazarev 2007 – *Lazarev L.* Una verità assoluta e sincera. Vasilij Grossman e la tradizione dei classici russi // Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo / A cura di G. Maddalena, P. Tosco. Milano: Rubbettino, 2007. P. 207–220.

References

- Amanzholova, D.A. (2010), *Formirovanie sovetskosti: natsionalnye menshinstva v etnopoliticheskom landshafte SSSR, 1920–1930-e gg.* [The formation of the “sovietness”. The national minorities in the USSR’s ethnic and political landscape, the 1920s – 1930s], Sobranie, Moscow, Russia.
- Bilinkis, Ya.S. and Bilinkis, M.Ya. (1994), “ ‘Woe from Wit’ on Russian theater stage”, in *Problemy tvorchestva A.S. Griboedova* [The issues of A.S. Griboedov’s legacy], TRAST-IMAKOM, Smolensk, Russia, pp. 110–120.
- Bit-Yunan, Yu.G. and Feldman, D.M. (2019), *Vasilii Grossman: biografiya pisatel’a v politicheskom kontekste sovetskoi epokhi* [Vasily Grossman. The writer’s biography in the political context of the Soviet era], RGGU, Moscow, Russia.
- Bocharov, A.G. (1970), *Vasilii Grossman. Kritiko-bibliograficheskii ocherk* [Vassily Grossman. Essays on his life and work], Sovetskii pisatel’, Moscow, USSR.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasilii Grossman: Zhizn’, tvorchestvo, sud’ba* [Vassily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii pisatel’, Moscow, USSR.
- Brandenberger, D. (2017), *Stalinskii russotsentrizm: Sovetskaya massovaya kul’tura i formirovanie russkogo natsional’nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)* [Stalin’s Russia-centeredness. Soviet mass culture and the formation of Russian national self-consciousness (1931–1956)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Filippov, V.A. (1946), *Rannie postanovki “Gorya ot uma”* [The early staging of “Woe from Wit”], *Literaturnoe nasledstvo* [Literature legacy], Akademia Nauk SSSR, Moscow, USSR, vol. 47–48, pp. 299–324.
- Ferrari, A. (2011), “*Dobro vam! L’Armenia di Vasilij Grossman*”, in Tosco, P. (ed.), *L’Umano nell’uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domani eterne*, Rubbettino, Milan, Italy, pp. 429–446.

Lazarev, L. (2007), “Una verità assoluta e sincera. Vasilij Grossman e la tradizione dei classici russi”, in Maddalena, G. and Tosco, P. (ed.), *Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo*, Rubbettino, Milan, Italy, pp. 207–220.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yury G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com